

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬСКОЙ ПЕЧАТНИЦѢ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13, кв. 11.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара считаются безплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если приложены марки на пересылку. Рукописи, неостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 30 ноября — 12 декабря 1901 г. за № 4882, о празднованіи Тезоименитства Ея Высочества княжны Нины Георгіевны 14-го января.

По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшей Правительствующей Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 15-го ноября 1901 года за № 8062, по сообщенію Министра Императорскаго Двора о томъ, что Тезоименитство Ея Высочества княжны Нины Георгіевны Высочайше повелѣно праздновать 14-го января. Приказали: Высочайшемъ повелѣніи праздновать день Тезоименитства Ея Высочества княжны Нины Георгіевны 14 января, для объявленія во всеобщее извѣстіе, напечатать въ журналъ „Церковныя Вѣдомости“.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Перемѣщенъ настоятель церкви с. Тарнова Люблинской губ. священникъ Сумеонъ *Лещукъ* на такую же должность въ с. Спасъ той же губ. съ увольненіемъ отъ должности благочиннаго I го Холмскаго округа.

Вакантны священническія мѣста: въ с. Тарновѣ Люблинской губ. и въ селѣ Грудъ Сѣдлецкой губ.

Умеръ 24 января Каѳедральный Протоіерей Варшавскаго Каѳедральнаго собора Климентъ Михайловичъ *Чеховичъ* на 81 году отъ роду.

ОТДѢЛЪ II.

ПОУЧЕНІЕ

въ день погребенія каѳедральнаго протоіерея Варшавскаго каѳедральнаго собора Климента Чеховича, произнесенное 27 января 1902 г. на литургіи протоіереемъ А. Ковальницкимъ¹⁾.

Кто есть человекъ, уже познаетъ и не узритъ смерти (Ис. LXXXVIII. 49).

Смерть такимъ образомъ — неизбежная участь каждаго человѣка, и гробъ среди насъ — явленіе самое обыкновенное, хотя въ тоже время и самое страшное. Взирая на гробъ, мы съ душевнымъ волненіемъ вопрошаемъ себя: *Что сіе естъ о насъ бысть таинство.* Страхъ предъ своею смертію у насъ такъ великъ, что мы избѣгаемъ случая оставаться наединѣ въ комнатѣ съ гробомъ и, при видѣ покойника, чувствуемъ, что наши уста какъ бы связаны; мы тогда говоримъ только вполголоса или шопотомъ; — мы предаемся размышленіямъ молча. И при видѣ этого гроба намъ бы слѣдовало ограничиться молитвами церкви и поучаться молча. Но по свойству природы человѣка говорить о томъ, что насъ сильно трогаетъ и въ виду нашей пастырской обязанности утѣшать *сущихъ въ скорби и печали* мы рѣшаемся наши размышленія, раждающіяся въ эти минуты въ нашей душѣ, выразить нашимъ надгробнымъ словомъ.

Такъ, гробъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, представляетъ для насъ поученіе.

¹⁾ Свѣдѣнія о жизни, смерти и погребеніи протоіерея К. Чеховича будутъ напечатаны въ слѣд. № *Ред.*

Когда во гробѣ покоится юноша, который только за нѣсколько времени до своей смерти поражалъ своимъ цвѣтущимъ здоровьемъ и красотой, то намъ смерть представляется въ видѣ бури и вихря, ломающаго молодяя красивыя деревья и выхватывающаго крѣпкое дерево съ его корнями. При видѣ такой бури насъ обнимаетъ ужасъ.

Но иногда гробъ напоминаетъ собою высокое и широкое, но уже изсохшее дерево, которое повалилось только отъ ветхости. При видѣ повалившагося отъ ветхости дуба—великана, въ насъ раждается сожалѣніе; но за то, можно сказать, въ то же самое время намъ пріятно смотрѣть на рощицу, расположенную вокругъ обветшавшаго дерева—рощицу цвѣтущую и красующуюся благодаря сѣменамъ и плодамъ отъ когда-то мощнаго, но теперь безплоднаго и безжизненнаго дерева.—Иногда гробъ вмѣщаетъ въ себя глубокаго старца—путника, опиравшагося на свой старческій посохъ и шествовавшаго къ мѣсту своего обиталища, — вотъ онъ пришелъ, и, уставшій навсегда склонилъ свою престарѣлую голову на свой странническій жезлъ—и упокоился.

Таковъ именно и гробъ, на который мы теперьзираемъ. Почившій протоіерей Климентъ достигъ до девятаго десятка лѣтъ своей жизни. Достигнуть 80-лѣтняго возраста въ настоящее время, когда человѣкъ постоянно съ напряженнымъ вниманіемъ спѣшитъ сократить въ своей дѣятельности время и пространство, очень трудно, — и рѣдко кого Господь надѣляетъ этимъ даромъ.

Почившій до послѣдняго дня своей жизни имѣлъ, сравнительно, бодрственный видъ и поражалъ всѣхъ жизненностью своихъ силъ. Но въ послѣдніе два года ни для кого не было тайной, что все же жизнь его постепенно угасаетъ, силы слабѣютъ, и онъ самъ сознавалъ, что смерть уже недалеко отъ него. Нерѣдко онъ намъ вмѣсто всякаго благожеланія говорилъ: да сподобитъ васъ Господь дожить до такихъ лѣтъ, до какихъ я дожилъ. Онъ ясно сознавалъ, что онъ болѣе и болѣе уподобляется тому ветхому денни, хилому дереву, которое когда-то было крѣпко, но которое теперь подвергается гніенію. Въ настоящія минуты это гніеніе смертное.

Не поражаетъ это насъ такимъ ужасомъ, какъ говоримъ, поражаетъ насъ гробъ какого-нибудь молодого существа, котораго смерть, подобно бури, вырвала изъ среды насъ. Но все же и гробъ старца повергаетъ насъ въ скорбь, такъ какъ онъ намъ напоминаетъ объ общей неизбѣжной для насъ участи. Утѣшаетъ насъ въ этомъ только св. вѣра, указывающая намъ на благодать Божію къ намъ какъ въ этой, такъ и въ будущей жизни.

Почившій, въ теченіе своей жизни, явно для всѣхъ сподоблялся благодати Божіей. И эта благодать къ почившему была велика. Въ самомъ дѣлѣ, не представ-

лялъ ли почившій собою въ своей семьѣ то величественное и многовѣтвистое дерево, которое было украшено разнообразными сочными плодами? Этими прекрасными, полными жизни, плодами были его дѣти, его семья. Теперь это дерево, ослабѣвшее, обветшавшее повалилось въ гробъ. Но за то, вокругъ этого дерева остались его прекрасные плоды, и сѣмена этихъ плодовъ уже дали отъ себя свои прекрасныя ростки. Грустенъ нашъ взглядъ на этотъ гробъ, но за то какая умилительная картина въ виду того, что этотъ гробъ старца окружаютъ его жена, его многія дѣти, его многіе внуки, его многіе правнуки! Кромѣ умершихъ раньше его дѣтей, внуковъ и правнуковъ, теперь при мысли о гробѣ этого старца возносятся молитвы къ Богу оставшіяся *на земли живыхъ*: его жена, 9 дѣтей, 31 внукъ и 12 правнуковъ! Какъ рѣдко въ наше время можно видѣть гробъ старца, котораго бы окружалъ столь поучительный сонмъ его домоначдцевъ!

При жизни своей Господь сподобилъ почившаго отца Климента *видѣти чада чадъ своихъ, яко ново-сажденія масличная окрестъ трапезы своей*. Думаемъ, что о. Климентъ пожилъ на свѣтѣ болѣе 80 лѣтъ и потому, что его взоръ услаждался *видѣніемъ сыновъ и дочерей своихъ*, видѣніемъ также внуковъ и правнуковъ своихъ, и что его домоначдцы всегда старались оказывать ему услуги.

Бл. сл.! Кому изъ насъ въ наше время не извѣстно, что неблагоповеденіе дѣтей, семейныя несчастія, сокращаютъ жизнь родителей! Но этотъ гробъ глубокаго старца представляетъ намъ собою наглядное доказательство, что добрые дѣти, добрые внуки и добрые правнуки—это жизнерадостность для отца и матери, жизнерадостность для дѣда и бабушки, жизнерадостность и для прадѣда и прабабушки!

Жена, дѣти, внуки и правнуки почившаго! Вы, конечно, въ эти минуты вспоминаете добрыя къ вамъ отношенія почившаго и изливаете въ своей скорби молитву ко Господу. Позвольте мнѣ отъ лица почившаго сказать вамъ слово, какъ бы выходящее изъ этого гроба. Милая моя жена, милая моя семья, мои дѣти, мои внуки, мои правнуки! Господь да вознаградитъ васъ за то, что вы своею доброю жизнію и любовію ко мнѣ радовали мое сердце; да вознаградитъ васъ Господь за то, что вы заботились обо мнѣ и никогда не огорчали меня. Благодаря такимъ образомъ Бога и васъ, я дожилъ до самой глубокой старости. Милая жена! Вспомни въ эту минуту въ этомъ св. храмѣ, у моего гроба тѣ чувства страха за жизнь, которыя я съ тобой пережилъ въ страшные дни этого края 1861 г. въ г. Люблинѣ; — какъ меня, тебя и нашихъ крошечныхъ тогда дѣтей спасла отъ смерти только сила Божія. Вознеси ко Господу вся моя семья молитву, да продлится Его милость ко мнѣ и въ загробной жизни. Дѣти, внуки мои и правнуки мои! *Раститесь и множитесь* для славы Божіей, для бла-

га православной церкви, благодать которой питала мою душу; *раститеся и множитеся* для блага нашего русскаго отечества, любовь къ которому меня избавила отъ космополитизма, безхарактерности и малодушія, такъ сильно омрачающихъ жизнь многихъ людей нашего времени. Милосердый Господь да сподобитъ и каждаго изъ васъ дожить до глубокой старости и въ свое время и вашу гробъ да окружать ваши многочисленныя дѣти, ваши многочисленныя внуки, ваши многочисленныя правнуки.

Благочестивые слушатели! Почившій, конечно, не нуждается въ похвалахъ. Все же, въ наше назиданіе, я позволю себѣ сказать слѣдующее. Когда появится въ свѣтъ „Исторія православно-русской церкви въ привислинскомъ краѣ“, то въ отдѣлѣ „Усердіе православно-русскаго духовенства къ своей вѣрѣ и національности въ 1860-хъ годахъ“ имя протоіерея Климента Михайловича Чеховича украситъ собою одну изъ страницъ этой исторіи.

Вспомнимъ, благочестивые слушатели, что почившій былъ священнослужителемъ св. храма сего. Должность священства онъ проходилъ свыше 54 лѣтъ, Сколько пришлось ему, какъ духовнику, пережить въ своей душѣ тѣхъ нравственныхъ страданій, которыя переживали его многочисленныя духовныя чада! Духовныя его чада несли къ нему на исповѣди тяжесть ихъ духовнаго состоянія для облегченія своей души — и онъ успокоивалъ ихъ благодатною силою.

Но и онъ самъ былъ грѣшнѣе. Въ этомъ отношеніи мы, духовники, часто уподобляемся врачу, который преподаетъ лекарства и совѣты, полезныя другимъ, но самъ себя освободить отъ болѣзни не можетъ. По слову Божию грѣшнѣе даже тотъ, кто прожилъ только одинъ день на этомъ свѣтѣ; *нѣтъ человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ*. А почившій прожилъ болѣе 80 лѣтъ. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ грѣшнѣе и слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что онъ, являясь теперь предъ Судь Божій, нуждается въ молитвахъ не только своей семьи, но и всѣхъ своихъ многочисленныхъ духовныхъ чадъ и вообще всѣхъ насъ.

Вознесемъ же ко Господу молитву, да упокоитъ душу здѣ лежащаго раба своего протоіерея Климента *въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злани, въ мѣстѣ покойнѣ: отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе; всякое согрѣшеніе содѣянное имъ, словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, яко благой и человекъколюбецъ Богъ проститъ*. Помолимся, да Господь душу отъ насъ представляющаго раба своего въ селеніяхъ праведныхъ учинитъ, въ нѣдряхъ Авраама упокоитъ, съ праведными сопричтетъ — и насъ помилуетъ яко благой и человекъколюбецъ. Аминь.

РѢЧЬ

при погребеніи Кафедральнаго Протоіерея Климента Михайловича Чеховича, произнесенная 27 января 1902 года Протоіереемъ П. Каллистовымъ.

Досточтимый нашъ старецъ-предстоятель незабвенный Отецъ Протоіерей!

Пробилъ часъ воли Господней: *се, разлучаемся!* Здѣсь твои брвенныя останки, обреченныя тлѣнію. Но гдѣ же самъ ты? Здѣсь только твоя вѣшняя оболочка, здѣсь твоя временная одежда, которую ты носилъ цѣлыхъ 80 лѣтъ. Одежда естественно изнасилась, обветшала и отложена. Но гдѣ же то, что облекалось въ эту одежду столько лѣтъ? Гдѣ то существо, которое мыслило, стремилось, дѣйствовало, удерживало въ своемъ сознаніи массу впечатлѣній, накопившихся въ теченіи многихъ десятилѣтій? Гдѣ-бы оно ни было, но мы вѣруемъ, по неложному глаголу Христову, что оно есть, что все, совершающееся здѣсь, оно видитъ, чувствуетъ то участіе и благожеланіе, которое мы, во главѣ съ нашимъ любвеобильнымъ Архипастыремъ, пришли тебѣ засвидѣтельствовать. И, конечно, не къ этому бездыханному праху, но къ тому безсмертному духу, всегда живому и не старѣющемуся, который обиталъ въ этой ветхой хранилѣ, и обращаемъ эти прощальныя слова.

Помнишь-ли, старецъ Божій, какъ ты при послѣднемъ свиданіи сказалъ мнѣ на прощаніе, чтобы я продолжалъ цѣнить и беречь старость. Это слово оказалось твоимъ послѣднимъ мнѣ завѣщаніемъ, — и оно какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ моему всегдашнему настроенію. Всегда я чтилъ старость и по личнымъ моимъ впечатлѣніямъ, полученнымъ мною отъ добрыхъ старцевъ, между прочимъ и отъ старца родителя, вынѣ тоже, можетъ быть, отходящаго, куда и ты ушелъ, — и по своему религіозному убѣжденію, что старость любить Богъ, Который Самъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ благоволилъ принять образъ Вѣтхаго денми, Который глубокую старость употребляетъ орудіемъ для увѣковѣченія въ памяти людей великихъ дѣлъ Своей правды и милости; почему и псалмопѣвецъ желаетъ себѣ „старости и престарѣнія“, „дондеже возвѣститъ мышцу Господню роду сему и грядущимъ“ (пс. 70 ст. 18).

И какъ было не чтить твою старость честною и воистину маститую? Ты знаешь значеніе этого слова. Это въ псалмѣ 91 говорится о древахъ, о пальмахъ, растущихъ и цвѣтущихъ во дворахъ храма Господня, которыя, не смотря на древность свою, сочны, свѣжи и плодovitы. Подобно тому и „праведникъ цвѣтетъ“, — сказано, — „яко финикъ“, какъ такая же пальма, сохраняя и въ старости жизненность, свѣжесть, полноту силъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Такимъ же старцемъ, за исключеніемъ послѣдняго времени, представляемъ себѣ и тебя, бодрымъ, оживленнымъ, интере-

сующимся вопросами жизни и духовной литературы. Кто не помнит твою бодрую поступь, твой прямой станъ, твой открытый взоръ, твой еще звучный голосъ, раздававшійся при священнослуженіяхъ въ этомъ главномъ храмѣ града нашего, о благочиніи которыхъ ты такъ ревновалъ? Какъ не вспомнить съ благодарностью бесѣду твою, интересную и поучительную, въ которой оживали событія почти трехъ четвертей вѣка, не частныя только, но великіе, историческіе моменты въ судьбахъ Отечества и Церкви, которыхъ ты былъ участникомъ или дѣятелемъ, начиная съ величайшаго событія воссоединенія униатовъ 1839 г. до болѣе близкаго къ намъ воссоединенія здѣшнихъ униатовъ? Для нашей Епархіи ты былъ живымъ преданіемъ, живою исторіею, такъ какъ былъ современникомъ и сотрудникомъ всѣхъ іерарховъ Варшавскихъ, кромѣ перваго,—былъ свидѣтелемъ постепеннаго роста здѣсь православія, участникомъ или совершителемъ освященія многихъ новыхъ храмовъ въ нашей Епархіи. Забыли все это? Никогда не забудемъ Твоей всегдашней доступности, твоего открытаго, патриархальнаго обращенія, исполненнаго благодушія и благосклонности, которымъ ты и насъ училъ быть простыми, прямыми въ словахъ и дѣлахъ.

Господь благословилъ послѣднія твоя многими утѣшеніями. Тебѣ дано было отпраздновать четыре пятидесятилѣтнихъ юбилея значительныхъ событій твоей жизни, достигнуть рѣдкихъ въ служеніи своемъ отличій. Но это не измѣнило твоего скромнаго, простаго нрава, не сдѣлало тебя высокомернымъ и надменнымъ. Помнится, даже публично, въ торжественномъ собраніи, ты исповѣдалъ, что считаешь свои награды не слѣдствіемъ дѣйствительной заслуги, но плодомъ долготѣней жизни.

Прими же отъ насъ, благословенный старецъ, нашу душевную признательность за тѣ руководственные уроки, которые ты преподавалъ намъ въ своей многолѣтней жизни. Не перестанемъ благословлять твою память, возсылая къ Богу усердныя молитвы, чтобы *духъ твой во благихъ водворился* (пс. 24 ст. 13), чтобы съ молитвами вѣры и любви онъ возносился все выше и выше, до вѣчнаго упокоенія въ обителяхъ Отца Небеснаго, Которому ты вѣрно поработалъ въ Его виноградникѣ отъ утра жизни до поздняго вечера.

Рѣчь предъ опущеніемъ въ могилу Каѳедральнаго протоіерея Климента Чеховича, произнесенная протоіереемъ І. Корженевскимъ.

Возлюбленный о Господь братъ наш!

Вотъ нынѣ суждено мнѣ вмѣстѣ съ сонмомъ священнослужителей проводить тебя къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. При разлукѣ съ тобою на малое время, какъ твой сверстникъ, въ одномъ съ тобою году (1821) явившійся на свѣтъ Божій, не могу я умолчать о тво-

ихъ достославныхъ трудахъ и подвигахъ въ дѣлѣ образованія духовнаго и свѣтскаго юношества, въ достойномъ пастырскомъ попеченіи о братіяхъ святаго храма тебѣ ввѣреннаго, въ опытномъ участіи въ совѣтѣ епархіальнаго управленія и въ достиженіи высокаго званія настоятеля каѳедральнаго собора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаясь примѣрною заботливостію о благосостояніи своего семейства, ты воспиталъ дѣтей своихъ въ доблестныхъ слугъ Царю и отечеству и дождался многочисленныхъ внуковъ и нѣсколькихъ правнуковъ. Въ виду твоихъ многолѣтнихъ трудовъ и заслугъ на пользу церкви Божіей, человѣческому обществу и собственному семейству мы съ упованіемъ молимся, да сподобитъ тебя Господь дать добрый отвѣтъ на страшномъ судѣ своемъ и да введетъ тебя въ обители Отца Небеснаго, уготованныя вѣрующимъ и подобно тебѣ подвижающимся въ земной жизни людямъ.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Іоанникію Архіепископу Варшавскому и Новогеоргіевскому Настоятеля Люблинской Рождество-Богородицкой церкви, протоіерея Климента Чеховича Рапортъ отъ 30 октября 1861 г. за № 125.

„Октября 1 дня—пишетъ протоіерей Чеховичъ— въ часъ послѣ обѣда, во время совершенія мною таинства Св. Крещенія въ домѣ лекарскаго помощника Романа Степанова надъ новорожденнымъ отъ его жены-католички младенцемъ, толпа буйнаго и пьянаго народа, собравшись предъ его квартирою, съ неистовыми криками, воплями и угрозами требовала, чтобы я вышелъ къ ней. Когда-же я, видя явную для себя опасность и неизбежную смерть, не выходилъ изъ дому, тогда толпа подняла страшный вопль и крикъ, начала бить камнями въ ворота, выломала оныя, камнями разбила всѣ стекла въ окна и всю комнату, въ которой только что окончено было таинство Крещенія, забросала камнями и кирпичами. Эти неистовства продолжались болѣе часу, и никто, не смотря на то, что нѣсколько челоуѣкъ съ большою опасностію посылаемы были на главную гаубвахту дать знать о происходящемъ безчиніи, не являлся для прогнанія этой бѣшенной и разъяренной толпы. Явился Инспекторъ Полиціи, самъ трепещущій отъ страха, уговаривалъ и увивалъ народъ, но его слова нисколько на него не подѣйствовали, толпа требовала, чтобы я вышелъ къ ней. Инспекторъ вошелъ въ квартиру и былъ столь неблагоразуменъ, что осмѣлился предложить мнѣ вмѣстѣ съ нимъ выйти къ разъяреннымъ. Послѣ ухода Инспектора вопли и крики возобновились съ большею противъ прежняго яростію, камни посыпались градомъ чрезъ совершенно выбитое окошко. Не было никого заступающаго и спасающаго! Наконецъ, спустя еще полчаса, явился патруль солдатъ, на нихъ посыпались камни, ибо всѣ здѣсь знаютъ, что имъ

не приказано бить, но толпа немного поднялась и начала расходиться. Пять человекъ солдатъ поставлены были у входа въ квартиру Степанова, но когда одного изъ нихъ ранили камнемъ въ високъ, то солдаты, сказавши, что здѣсь хуже чѣмъ въ Севастополѣ, ушли и мы всѣ остались безъ защиты, и только съ трепетомъ ожидали вторженія въ самую квартиру вновь собравшейся толпы. Нѣсколько разъ Степановъ выходилъ къ толпѣ, уговаривалъ ее, но все напрасно: „дайте, кричали ему всѣ, пона намъ на полдникъ (podwieszorek), и мы разойдемся!

„Въ то время, когда жизнь моя была въ опасности въ домѣ Степанова, моему семейству угрожала подобная участь. Толпа всякаго сброду, наводнивши улицу, на которой находится вѣренная мнѣ церковь подъ одною крышею съ церковнымъ домомъ, напала на этотъ домъ съ визгомъ и крикомъ и начала бросать камнями и чѣмъ попало въ окна моей комнаты, въ которой находилась моя жена съ груднымъ ребенкомъ, котораго чуть-чуть не убили желѣзною плиткою, брошенною въ окошко и провизжавшею надъ испуганною женою и ребенкомъ; въ двухъ окошкахъ выбили 24 стекла и не перебили и не испортили всего въ гостинной комнатѣ только потому, что жена, не смотря на весь испугъ, имѣла столько присутствія духа, что съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ опустила шторы, чѣмъ обезсилила удары камней, бросаемыхъ съ улицы и противоположныхъ домовъ. Къ церкви рота солдатъ, изъ близящихъ казармъ, подоспѣла скорѣе, чѣмъ ко мнѣ, и въ нее бросали камнями, говоря: „за чѣмъ защищаете этого попа, мы все таки убьемъ и его и его семейство!“ и съ трудомъ, съ ругательствами и бранью, толпа разошлась.

„Между тѣмъ, я съ хозяевами и лекаремъ военного госпиталя Рассовымъ, который одинъ изъ всѣхъ гостей не оставлялъ меня до послѣдней минуты, и который, вооружившись шестомъ отъ занавѣсокъ приготовился защищаться въ случаѣ если бы толпа захотѣла ворваться въ квартиру, всѣ мы оставались въ осадномъ положеніи. Изъ близъ лежащей площади слышались постоянные крики и урра — это толпа потѣшалась какому то чуделу, одѣтому въ плащъ и круглую шляпу, и которое имѣло представлять меня. Что они дѣлали съ нимъ, какъ издѣвались надъ нимъ, нельзя было видѣть съ точностью, по причинѣ сумерекъ.

„Къ счастью, начали въ близъ лежащемъ Доминиканскомъ костелѣ служить какую-то службу съ крестнымъ ходомъ, факелами, знаменами и бенгальскими огнями; это привлекло пьяную толпу, и тогда во второй разъ посланный деньщикъ переодѣтый успѣлъ отъ аптекаря Рассова принести его военную шинель, тогда только, въ восьмомъ часу вечера, я, переодѣтый, въ сопровожденіи Степанова, его сына и аптекаря, могъ, не безъ опасности быть узаннымъ проходить чрезъ иллюминированную улицу, пробраться чрезъ

жидовскій кварталъ окольными улицами и пришелъ домой. Здѣсь могъ я быть въ безопасности, потому что на улицѣ, при церковномъ домѣ, стояла рота солдатъ, и здѣсь-то вознесъ я пламенную молитву къ Единой нашей Заступницѣ и Покровительницѣ, Божіей Матери, Покровъ Который въ этотъ день праздновала наша Церковь! ¹⁾.

„Ваше Высокопреосвященство! вотъ въ какомъ плачевномъ состояніи нахожусь я здѣсь, пастырѣ вѣреннаго мнѣ словеснаго стада Христова, что не могу, безъ явной опасности, выйти изъ дому для совершенія христіанскихъ требъ. Послѣ этого для меня нѣтъ личной безопасности, мнѣ хуже чѣмъ преступнику, которому самая тюрьма служитъ защитою. До сихъ поръ, свидѣтелями сему Богъ и люди, я по долгу, по совѣсти исполнялъ обязанности пастыря и наставника. По мѣрѣ силъ и умѣнія пекся я о своемъ духовномъ стадѣ, за него готовъ я положить и душу мою; но подвергаться осмѣянію, поруганію и даже угрозамъ смерти отъ наущенія злыхъ и коварныхъ людей, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ и духовные католическіе, которыми весьма желательно было-бы, чтобы я уѣхалъ въ Россію, чтобы такимъ образомъ имъ легче, безъ меня, распудить и расхитить моихъ овецъ, какъ они сдѣлали съ дочерью одного умершаго русскаго генерала Пустовойтовою, которую, за участіе въ здѣшнихъ политическихъ и религіозныхъ манифестаціяхъ, вывезли отсюда въ Россію — къ матери, и за что, приписывая мнѣ ея удаленіе, сдѣлали мнѣ 27 августа (8 сентября) с. г. кошачью музыку и повывивали камнями стекла; но слышать, какъ злонамѣренные люди, желая лишить меня учительскаго мѣста въ здѣшней гимназіи, внушаютъ ученикамъ, а чрезъ нихъ, сдѣлавшись теперь настоящими уличниками, между всякою наемною и пьяною, толпою что будто-бы я во время попечительства Муханова служилъ ему шпиономъ и доносилъ обо всемъ случившемся въ гимназіи, такъ что теперь ученики, которые до конца сего учебнаго года оказывали мнѣ любовь и довѣріе, теперь не оказываютъ этихъ знаковъ уваженія — претерпѣвать все это несправедливо и незаслуженно человекъ, который во всю свою жизнь незапятналъ себя никакимъ безчестнымъ поступкомъ, чрезвычайно больно и обильно!

„Теперь приняты военнымъ начальствомъ мѣры къ безопасности церковнаго дома, но кто поручится за будущее, когда у самыхъ военныхъ связаны руки, когда ихъ бьютъ палками, камнями, бранятъ, ругаютъ и поносятъ, и они не смѣютъ вступить за свою честь — имъ не приказано?! Отъ этого произошла и вся медленность въ доставленіи мнѣ помощи и защиты, отъ этого я самъ долженъ былъ промышлять о себѣ,

¹⁾ Въ тотъ же день Протоіерей Чеховичъ далъ обѣтъ ежедневно прочитывать Молебный Канонъ Божіей Матери.

и какъ тать ночью, переодѣтый уходитъ изъ того дому, въ который я былъ приглашенъ совершить таинство Св. Крещенія!

„Ваше Высокопреосвященство! Вы нашъ Архипастыръ, нашъ защитникъ; вступитесь за насъ сирыхъ и беззащитныхъ; мы сами не можемъ защищаться, хотя-бы насъ били, мучили и убивали; пусть-же тѣ, на которыхъ лежитъ прямая обязанность быть защитниками, имѣютъ возможность защищать насъ.

„Подобнаго содержанія рапортъ представленъ мною вчерашняго числа Военному Начальнику Люблинской губерніи Генералъ-Лейтенанту Хрущову, который не былъ въ Люблинѣ во время всего этого по истинѣ плачевнаго событія и возвратился изъ Городка, когда я уже находился дома и въ безопасности“.

„Какъ русскіе берегли свою вѣру“.

(Окончаніе)*).

По совершеніи обрядовъ, Александръ торжественно принялъ бояръ Иоанновыхъ; начались веселые пиры, открылись и взаимныя неудовольствія.

Уже отпуская бояръ, провожавшихъ Елену, князя Семена Раполовскаго и Михайла Русалку, Александръ сказалъ: „Вы говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей великой княгинѣ, поставили церковь Греческаго закона, на переходахъ, подлѣ ея хоромъ; но князя наши и паны, вся земля имѣютъ право и записи отъ предковъ нашихъ, отца нашего и насъ самихъ, а въ правахъ написано, что церковей Греческаго закона больше не прибавлять, такъ намъ этихъ правъ рушить не годится. А княгинѣ нашей церковь Греческаго закона въ городѣ есть близко; если ея милость захочетъ въ церковь, то мы ей не мѣшаемъ. Братъ и тесть нашъ хочетъ также, чтобы мы дали ему грамоту на пергаментѣ относительно Греческаго закона его дочери; но мы дали ему грамоту точно такую, какой онъ самъ отъ насъ хотѣлъ: эта грамота теперь у него съ нашею печатью“. Въ маѣ пріѣхалъ отъ Александра посолъ Станиславъ Петряшковицъ изъяснить Иоанну благодарность за присылку Елены и объявить, что воевода Молдавскій Стефанъ напалъ на Литовскія владѣнія; относительно Елены Александръ велѣлъ Петряшковицу сказать слѣдующее тестю: „Ты хотѣлъ, чтобы мы оставили нѣсколько твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ при твоей дочери, пока привыкнетъ къ чужой сторонѣ; и мы для тебя велѣли имъ остаться при ней нѣкоторое время; но теперь пора ужъ имъ выѣхать отъ насъ; вѣдь у насъ, слава Богу, слугъ много, есть кому служить нашей великой княгинѣ: какая будетъ ея воля, кому что прикажетъ, и они будутъ

по ея приказу дѣлать все, что только ни захочетъ“. — Иоаннъ отвѣчалъ на это: „Нашъ братъ, князь великій, самъ знаетъ, съ кѣмъ тамъ его предки и онъ самъ утвердилъ тѣ права, что новыхъ церковей Греческаго закона не строить: намъ до тѣхъ его правъ дѣла нѣтъ никакого, а съ нами братъ нашъ князь великій, да и его рада, договаривались на томъ, чтобы нашей дочери держать свой Греческій законъ, и что намъ братъ нашъ и его рада обѣщали, все теперь дѣлается не такъ“¹⁾.

Неудовольствія между тестемъ и зятемъ росли все болѣе и болѣе, несмотря на то, что юная великая княгиня, одаренная здравымъ смысломъ и нѣжнымъ сердцемъ, вела себя съ удивительнымъ благоразуміемъ, и, сохраняя долгъ покорной дочери, не измѣняла мужу, ни государственнымъ выгодамъ ея новаго отечества, никогда не жаловалась родителю на свои домашнія неудовольствія и старалась утвердить его въ союзѣ съ Александромъ. Въ ноябрѣ 1497 года Иоаннъ послалъ въ Литву своего посла Микулу Ангелова, который долженъ былъ сказать отъ него Еленѣ: „Я тебѣ приказывалъ, чтобы просила мужа о церкви, о панахъ и паняхъ Греческаго закона, и ты просила-ли его объ этомъ? Приказывалъ я къ тебѣ о попѣ, да о боярынѣ старой, и ты мнѣ отвѣчала ни то, ни се. Тамошнихъ пановъ и паней Греческаго закона тебѣ не даютъ, а нашихъ у тебя нѣтъ, хорошо-ли это?“ Ангелову данъ былъ наказъ дознаться, когда идетъ у великой княгини служба, то она на службѣ стоитъ-ли? Елена отвѣчала Ангелову: „О церкви я была челомъ великому князю, но онъ и мнѣ отвѣчаетъ то же, что московскимъ посламъ: попъ Оома не по мнѣ, а другой попъ со мною есть изъ Вильны очень хорошій. А боярыню какъ ко мнѣ изъ Москвы прислать, какъ ее держать, какъ ей съ здѣшними сидѣть? Вѣдь мнѣ не далъ еще князь великій ничего, чѣмъ кого жаловать; двухъ-трехъ пожаловалъ, а иныхъ я сама жалую. Если-бы батюшка хотѣлъ, то тогда же боярыню со мною послалъ; а поповъ мнѣ кого знать? Самъ знаешь, что я на Москвѣ не видала никого. А что батюшка приказываетъ, будто я наказъ его забываю, какъ бы онъ себѣ и на сердцѣ не держалъ, что мнѣ наказъ его забыть: когда меня въ животѣ не будетъ, тогда отцовскій наказъ забуду. А князь великій меня жалуетъ, о чемъ ему бую челомъ, и онъ жалуетъ о комъ помяну. А вотъ которая у меня посажена панья, и теперь она уже тишаеть“²⁾.

Наконецъ (въ 1499 году), увѣдомили великаго князя, что въ Литвѣ открылось гоненіе на восточную церковь, что смоленскій епископъ Іосифъ взялся обратиться всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ въ латинство, что

¹⁾ Соловьевъ. Т. V, стр. 150.

²⁾ Карамзинъ. Т. VI, стр. 276—277. — Соловьевъ. Т. V стр. 155.

Александръ вудить къ тому и супругу, желая уго- дить папѣ и въ лѣтописяхъ римской церкви заслу- жить имя святого. Встревоженный этимъ извѣстіемъ Іоаннъ немедленно отправилъ въ Вильну боярскаго сына Ивана Мамонова узнать подробно всё обстоя- тельства и велѣлъ ему сказать Еленѣ наединѣ: „До- шель до насъ слухъ, что мужъ твой Александръ ну- дить тебя и другихъ людей отступать отъ своего Гре- ческаго закона къ Римскому. Ты въ этомъ мужа своего не слушай; пострадай до крови и до смерти, но къ Римскому закону не приступай, чтобы отъ Бога душею не погибнуть, а отъ насъ и всего православ- наго христіанства не быть въ проклятіи и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Извѣсти насъ обо всемъ этомъ, правда-ли то, и мы тогда пошлемъ къ мужу твоему, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія“¹⁾. То-же писала къ Еленѣ Иванов- нѣ и мать ея Софья Ѳомишишна (Палеологъ).

Тревога великаго князя не была напрасною. Вос- хваляя ревность и стараніе Александра объ обраще- ніи русскихъ отъ „схизмы“ къ римской вѣрѣ, папа Александръ VI писалъ ему въ грамотѣ (8 іюля 1501 года) слѣдующее: „По словамъ посла твоего, ты далъ клятву своему тестю никогда не принуждать Елену къ римской вѣрѣ и даже, если-бы она сама захотѣла, не позволять того, и ты уже 5 лѣтъ честно исполняешь обѣщаніе, самъ не принуждая жены; но другіе свѣтскіе и духовные, сколько ни убѣждаютъ ее, она остается непреклонною. Поэтому ты спраши- ваешь нашего совѣта, что тебѣ дѣлать. Мы хотимъ и обязываемъ тебя, чтобы ты, несмотря на давныя обѣщанія и клятвы, отъ которыхъ тебя освобождаемъ, позаботился еще побудить свою жену къ принятію римской вѣры. Если же Елена опять не согласится, то мы поручаемъ виленскому епископу, чтобы онъ убѣждалъ ее и, въ случаѣ нужды, принуждалъ мѣра- ми церковнаго исправленія и другими законными сред- ствами; а если и затѣмъ останется непреклонною, то отлучилъ бы ее отъ сожителства съ тобою и совер- шенно удалилъ отъ тебя“. Виленскому епископу дѣйствительно, тогда же (8 іюля) послана была отъ папы особая грамота съ полномочіемъ убѣждать Еле- ну, а когда не покорится, совершенно отлучить ее отъ мужа, удалить изъ его дома и все ея имущество объявить конфискованнымъ. Такую же грамоту че- резъ нѣсколько мѣсяцевъ (26 ноября) послалъ папа и къ кардиналу Польши Фридриху (это былъ родной братъ великаго князя Александра литовскаго), архіе- пископу краковскому, поручая ему, въ случаѣ не- преклонности Елены, объявить ей, что съ нею будетъ поступлено по формѣ церковнаго суда и она будетъ наказана, сколько заслуживаетъ ея упорство въ за- блужденіи.

Но великая княгиня, примѣръ которой, въ случаѣ измѣны ея православію, могъ бы оказать огромное влияніе на всѣхъ православныхъ въ Литвѣ, оставалась непоколебимою, и, несмотря на то, не была удаляема отъ своего мужа, вопреки приказанію папы. Она находилась при мужѣ и въ Краковѣ, въ столицѣ Польши, послѣ того, какъ Александръ, среди вели- чайшаго торжества, былъ коронованъ (1 декабря 1501 года) на польскій престолъ роднымъ своимъ братомъ, кардиналомъ Фридрихомъ, краковскимъ архіеписко- помъ, и даже пользовалась православнымъ богослуже- ніемъ, отправлявшимся для нея въ палатахъ короля, хотя и не удостоена чести быть коронованною вмѣстѣ съ мужемъ, потому именно, что „упорно держалась вѣры греческой и не подавала никакой надежды на лучшее, а отъ уставовъ римской церкви совершенно отвращалась“¹⁾.

Такъ среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ сла- бая женщина геройски отстояла свою православную вѣру и сумѣла, сохранивъ любовь своего иновѣрнаго супруга, соблюсти также завѣтъ своего отца, убѣ- ждавшаго ее: „Дочка! памятуй Бога, да наше род- ство, да нашъ наказъ, держи свой Греческій законъ во всемъ крѣпко, и хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать,—пострадай!“.

М. Красноженъ.

Сравненіе культурныхъ силъ русскихъ и поля- ковъ²⁾.

Щедро одаренный отъ природы тѣлесною мощью и духовными дарами 80-ти миллионный православный, славяно-русскій народъ, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ на своей коренной западной русской и литов- ской окраинѣ, ведетъ многовѣковую культурную борь- бу съ братскимъ ему по крови, 10 миллионнымъ сла- вяно-польскимъ народомъ, исповѣдующимъ латинскую вѣру и покорнымъ папскому престижу.

Печальное историческое явленіе!

Вся эта богохульная, братская вражда происхо- дить отъ того, что православные христіане сохра- няютъ вѣрность церковному соборному строю и управленію, установленному въ первые вѣка хри- стіанства, а латинская церковь отвергла древній со- борный церковный порядокъ управленія и покорилась новопровозглашенному принципу папскаго деспотиче- скаго самодержавія. Такимъ образомъ, истинная при- чина гибельнаго для христіанства раздѣленія церквей заключается не въ различіи между ними божествен- ныхъ основъ христіанскаго вѣроученія, но въ разли- чіи установленныхъ принциповъ церковнаго управле-

¹⁾ Макарій. Исторія русской церкви. Сиб. 1879 г. Т. IX, стр. 108—110.

²⁾ Свѣтъ.

¹⁾ Красноженъ. Иновѣрцы на Руси. Стр. 75.

вія и дисциплины. И такъ, политико-административный принципъ папскаго единоличнаго, деспотическаго главенства и постоянное фанатическое стремленіе этого принципа къ покоренію своей власти независимыхъ отъ него восточныхъ церквей — вотъ истинная причина ожесточенной вражды христіанскихъ народовъ.

Въ борьбѣ славяно-русскаго и славяно-польскаго народовъ, зачинщиками и нарушителями братскаго мира и братскаго согласія являются не русскіе православные люди, всегда склонные къ миролюбію и уступчивости, но именно поляки, ярые послѣдователи латинства и съ давнихъ поръ непримиримые враги и гонители православія.

Эта безпощадная, культурная борьба нападающаго папизма и обороняющагося православія отличается рѣзкимъ различіемъ матеріальныхъ силъ, и, конечно, въ открытой борьбѣ, грудь съ грудью, и рука съ рукою польскіе фанатики принуждены всегда уступать матеріально могучей православной силѣ. Но въ борьбѣ собственно-культурной сила польскаго 10-милліоннаго народа оказывается преобладающею надъ культурной силою 80-милліоннаго русскаго народа.

Смѣло можно сказать, что наши культурные классы стоятъ далеко не на высотѣ своего нравственнаго долга и весьма равнодушны къ чести и достоинству Россіи. Въ средѣ нашихъ выдающихся первенствующихъ и государственныхъ дѣятелей, ученыхъ и писателей, едва ли можно насчитать нѣсколько десятковъ одушевленныхъ, пламенныхъ русскихъ патриотовъ, горячо любящихъ свой народъ, знающихъ его и посвятившихъ свои силы на высокое служеніе благу, величію и достоинству своего государства и народа. Очевиднымъ доказательствомъ слабаго патриотическаго настроенія нашего общества служить намъ современная наша ученая, а также изящная и періодическая литературы. Большинство нашей многочисленной періодической печати не отличается русскимъ патриотизмомъ. Въ противоположность индифферентному русскому обществу, польское общество въ огромномъ большинствѣ, и за рѣдкими исключениями, единодушно и горячо служитъ торжеству своихъ политическихъ и національныхъ идеаловъ. Вся польская ученая и изящная литература сдушевлена страстнымъ стремленіемъ къ восстановленію своей политической самобытности, своего культурнаго и національнаго, первенства и торжества и ведетъ неустанную, ожесточенную борьбу противъ ненавистнаго ей православія, русскою культуры и русскаго государства.

На десять русскихъ, одушевленныхъ и пламенныхъ ученыхъ писателей — патриотовъ, поляки могутъ выставить вдесятеро болѣе. Понятно, что при такомъ неравенствѣ патриотическихъ культурныхъ силъ, малочисленный польскій народъ, въ культурной борьбѣ своей съ великимъ русскимъ народомъ имѣетъ пере-

вѣсъ. Между тѣмъ, какъ русскою печатью весьма часто громко и безбоязненно раздаются осужденія и клеветы противъ русскихъ религіозныхъ и національныхъ основъ — въ польской литературѣ никто не осмѣливается поднять голоса сужденія противъ польскаго патриотизма и папизма. Такое прискорбное, характерное явленіе въ русскомъ обществѣ и литературѣ мы приписываемъ національному равнодушію русскаго образованнаго общества и русско-общественной, школы, не возбуждающей въ учащемся поколѣніи никакаго патриотическаго священнаго огня и одушевленія.

Въ нашемъ воспитаніи, въ нашихъ общественныхъ школахъ, слѣдуетъ обращать преобладающее вниманіе не столько на успѣшное прохожденіе учебныхъ программъ и на внѣшній школьный порядокъ и дисциплину, сколько на личный составъ воспитателей и учителей и на духъ и направленіе ученія и воспитанія. Если дружными усиліями воспитателей и учителей будетъ возбужденъ въ учащихся благородный патриотизмъ и стремленія полезно служить своему отечеству, то эти самыя качества будутъ поддерживать въ учащихся чувство долга и стремленіе къ приобрѣтенію знаній, необходимыхъ для разумнаго служенія отечеству.

Браки дозволенные и недозволенные.

Священникъ *Тамбовской епархіи* подалъ прошеніе на имя *Превосв. Георгія, Еп. Тамбовскаго и Шаинскаго* по поводу того, что одинъ изъ его прихожанъ обратился къ нему, священнику, съ просьбою, повѣнчать его на троюродной сестрѣ, т. е. на кровной его родственницѣ въ шестой степени родства. По дѣйствующимъ законоположеніямъ, заявляетъ священникъ (указъ Св. Синода отъ 19 янв. 1810 года), подобные браки дозволены, тѣмъ не менѣе многіе священники въ подобныхъ случаяхъ заставляютъ прихожанъ своихъ обращаться за разрѣшеніемъ къ епархіальному архіерею. По этому, священникъ просилъ Его Пр-во разъяснить ему, какъ слѣдуетъ поступать въ указанныхъ случаяхъ: совершать ли прямо браки, при существованіи между женихомъ и невѣстою кровнаго родства въ шести степеняхъ, или испрашивать на то каждый разъ разрѣшенія. На этомъ прошеніи резолюція Его Пр-ва послѣдовала такая: „Браки до 4-й ст. въ родствѣ кровномъ и въ родствѣ двоюродномъ безусловно воспрещены, затѣмъ до 6-й ст. включительно можно вѣнчать по съ разрѣшенія архіерейскаго; въ 7-й же ст. можно вѣнчать безъ разрѣшенія архіерейскаго только тогда, когда нѣтъ смѣшенія родственныхъ именъ. Бракъ въ трехъкровномъ родствѣ безусловно воспрещается только въ 1-й степени; въ 3-й и даже во 2-й степени этого родства, въ случаѣ нужды и съ разрѣшенія архіерейскаго, можетъ быть за-

ключень. Въ 4-й степени этого родства бракъ можетъ быть повѣнчанъ безъ особаго разрѣшенія. Вообще вопросъ о томъ: а) когда браки безусловно запрещаются, б) когда они возможны, но только съ разрѣшенія архіерея и, наконецъ, когда браки, заключаемые въ родствѣ (дальнемъ), могутъ быть вѣнчаемы безъ всякаго препятствія, — всѣ эти вопросы разрѣшаются въ нашей Кормчей (гл. 50, 51), уясняются у Булгакова въ „Настольной книгѣ”, у Хойнацкаго и С. П. Григоровскаго” (Тамб. Еп. В. 1899 г. №№ 46—47).

Изъ области домогаательства католицизма.

За послѣднее время съ настойчивостью держался слухъ, будто бы папа домогается учрежденія въ Петербургѣ нунціатуры и аргументируетъ необходимость ея желаніемъ отдѣлить религію отъ политики; поляки, доселѣ занимавшіе іерархическія должности въ римско-католической церкви въ Россіи, отождествляли стремленія національныя съ церковными и потому сообщали римскому католицизму окраску полонизма, папа же надѣется, что этотъ недостатокъ будетъ устраненъ, когда для управленія дѣлами р.-католической церкви въ Россіи будутъ назначаться иностранцы, не принадлежащіе къ польской національности. Слухъ о нунціатурѣ встрѣченъ съ сочувствіемъ нѣкоторыми органами печати — на томъ основаніи, что онъ даетъ готовое рѣшеніе давнишняго вопроса о распоряженіи римскаго католицизма. Но это, кажется, довольно шаткое основаніе. Еще неизвѣстно, насколько существованіе нунціатуры можетъ содѣйствовать распоряженію римскаго католицизма, да и сомнительно, чтобы папа серьезно былъ заинтересованъ въ такомъ распоряженіи. Скорѣе можно думать, что самая мотивировка въ пользу нунціатуры — не болѣе, какъ искусный манеръ съ цѣлю побудить русское правительство принять мѣру, сулящую неисчислимыя выгоды папству и открывающую широкое поприще для римско-католической пропаганды въ Россіи. Папство въ высокой степени обладаетъ умѣньемъ достигать своихъ цѣлей и преодолевать всѣ препятствія. Исторія послѣднихъ тридцати лѣтъ краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствуетъ. Нужно поэтому опасаться, какъ бы и мы не сдѣлались жертвой этого умѣнья. Частичныя приобрѣтенія — то въ той, то въ другой области — папство и теперь у насъ дѣлаетъ и подчасъ съ такою артистичностью, что русскіе не могутъ опомниться отъ изумленія. Вотъ напр. что сообщаетъ „Русскій” о „китайскомъ православіи”.

„Наше посольство, по занятіи нашими войсками Пекина, получило огромную прирѣзку земли, смежной съ его зданіями. Этотъ участокъ такъ великъ, что половина его посольству была не нужна и даже излишня. Поэтому наша миссія просила уступить это

мѣсто ей, но — получила отказъ. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько времени, посольство эту самую землю отдало римско-католической миссіи! Теперь на этомъ мѣстѣ уже воздвигается великолѣпный католическій храмъ... Что это означаетъ — положительно уму непостижимо”...

По поводу этого „непостижимаго“ факта „Гражданинъ” напечаталъ слѣдующее:

Тутъ можно бы и заплакать, если бы возмущеніе души не преграждало путь слезамъ. Вѣдь это обидо всему русскому народу! Онъ проливалъ свою кровь, и его утѣшала мысль, главнымъ образомъ, — что эта кровь лилась на пользу православной вѣры, его вѣры, столь дорогой его сердцу. И вотъ — отнимаютъ у него самые драгоценныя плоды, полученные его кровью! Видитъ Богъ — это не фразы! Это дѣйствительныя чувства всѣхъ русскихъ людей, отъ крестьянина, отъ простого солдата до великаго русскаго царя! Чтобы отнять у народа его нравственное приобрѣтеніе, надо имѣть полное отсутствіе сознанія той элементарной истины, что пролитую кровь никто, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ забывать не долженъ, ибо кровь священна, ибо историческое право народа зиждется на его пролитой крови! И надо быть ужъ очень „равнодушнымъ” и очень чуждымъ русскаго духа, чтобы допустить вышеприведенныя обстоятельства! Впрочемъ, и чужой человѣкъ такъ не обидѣлъ бы людей, если въ немъ осталась хоть капля справедливости и такта. Чѣмъ бы ни объяснять разбираемый поступокъ: личностями, денежнымъ интересомъ, политическими счетами, вѣротерпимостію, простою необдуманностью, забывчивостью, — поступокъ этотъ остается уродствомъ! Пожелаемъ же и мы съ г. Русскимъ, чтобы подлежащія вѣдомства разслѣдовали это дѣло и не оставили его безъ послѣдствій.

Остается, впрочемъ, выяснитъ, насколько фактъ достовѣренъ; если же онъ и достовѣренъ и непоправимъ, то успокоиться на той малоутѣшительной мысли, что русскому человѣку не впервые загребать своими руками жаръ въ чужую пользу.

(Церк. Вѣст.)

Историко-статистическое описаніе церкви и посада Ломазы Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ.

(Продолженіе) *)

Б) ЛОМАЗСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

І. Судьба церкви до временъ уни.

Народное преданіе относитъ построеніе первой церкви въ Ломакахъ, или Ломазахъ къ глубокой древности и указываетъ даже мѣсто, гдѣ она стояла, — это из-

*) См. №№ 1, 2 и 3.

вѣстное намъ урочище „церковиско“ (даже само названіе говоритъ за себя). Тутъ, говоритъ преданіе, была церковь и кладбище. Мѣстные жители и доселѣ относятся къ этому мѣсту съ большимъ уваженіемъ, а народная фантазія приурочиваетъ ему и легендарное сказаніе, будто ночью предъ праздниками часто видятся горящіе свѣчи и слышится церковное пѣніе. Основываясь на этомъ древнемъ преданіи, на характерѣ самаго мѣста „церковиско“, покрытаго камнями съ вытиснутыми на нихъ крестами (надгробными плитами), и на давности существованія самаго мѣста, нельзя не отнести возникновенія первой церкви въ „Ломакахъ“ къ древнѣйшимъ временамъ удѣльнаго княжества на Руси, когда нынѣшняя Подляхія по рѣкѣ Бугу и его притоку Кросвѣ входила въ составъ Берестейской земли, принадлежавшей къ Галицко-Владимірскому княжеству. Въ то время, въ XI и XII вв., распространяли православную вѣру Христову ивоки-сподвижники свв. Антонія и Θεодосія Печерскихъ, которые, прибывши въ Прибужскій край изъ Кіева, научили ту страну православной вѣрѣ и даже поставили въ селѣ Долгобородахъ (нынѣ Долгоброды, Сѣдл. г.) — вблизи Ломазъ „домъ Божій“¹⁾. Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія относительно существованія Ломазской церкви встрѣчаемъ въ XV-омъ вѣкѣ. Такъ, Ломазы, упоминаемыя въ исторіи съ названіемъ города еще въ 1446 году, несомнѣнно были городомъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ, такъ какъ тогда вся Подляхія была просвѣщена свѣтомъ Христова ученія, и уже потому имѣли свою церковь; помимо сего, городъ Ломазы былъ тогдашнимъ центромъ торговли и просвѣщенія среди христіанскаго народонаселенія Подляхій и, какъ таковой, служилъ образцомъ просвѣщенія, ибо въ городѣ сосредоточивалась вся передовая жизнь народа и, если тогдашняя Подляхія славилась своею ревностію къ вѣрѣ Православной (памятникомъ чего можетъ служить Яблочинскій монастырь), то городъ Ломазы, какъ важный по тому времени пунктъ общественной жизни, былъ такимъ же пунктомъ и религіозной жизни народа, что подтверждается отчасти и тѣмъ фактомъ, когда Ломазцы, вѣрные преданіямъ своихъ дѣдовъ, отстаивали собственною жизнью свою родную Православную вѣру спустя двѣсти лѣтъ тому послѣ сего, во время уніи.

Въ XVI вѣкѣ, и именно въ 1568 году, приходъ Ломазской церкви былъ уже надѣленъ по ревизіи Дмитрія Сапѣги (о которой упомянуто выше въ исторіи города), тремя полевыми смѣнами, что очевидно доказываетъ о существованіи большого прихода въ Ломазахъ. Первая церковь въ древнихъ „Ломакахъ“, говоритъ народная молва, была освящена въ честь Свв. безсребренниковъ Космы и Даміана и по всей вѣроятности, ко времени перенесенія города изъ урочи-

ща „церковиско“ на настоящее мѣсто посада (въ 1533 г.) была настолько ветха, что необходима была новая церковь. Эта церковь, по народному преданію, освященная также въ честь свв. Космы и Даміана, была построена на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ еще сохранившаяся церковь возлѣ самой усадьбы священника, которая вслѣдствіе своей ветхости въ настоящее время закрыта. Какъ гласитъ надпись надъ косякомъ входныхъ дверей, она окончена постройкою въ 1688 году на средства Ломазскихъ прихожанъ¹⁾. Хотя настоящая церковь, этотъ живой свидѣтель древняго Православія, (какъ увидимъ ниже), была воздвигнута послѣ заключенія религіозной Брестской уніи (1596 г.), въ силу которой народъ Подляшскій уже формально считался уніатскимъ, тѣмъ не менѣе она сначала была православнымъ храмомъ сохранившася до того времени, т. е. до 1688 г., въ Ломазахъ Православія. Самый внѣшній видъ ея показываетъ, что она построена по православному чину — въ видѣ креста, алтаремъ на востокъ. Внутренность храма тоже православная: дѣленіе на три части, изъ коихъ алтарь (какъ показываетъ намъ слѣдъ на стѣнахъ) отдѣлялся продольною аркою у самаго потолка, и эта арка поддерживала иконостасъ, который былъ вынесенъ (какъ узнаемъ ниже) во времена уніи. Кромѣ этихъ памятниковъ Православія есть еще другія указанія, свидѣтельствующія о томъ, что жители Ломазъ во время созиданія храма 1688-го года не были уніатами, а православными. Въ „помянникѣ“ Яблочинскаго Св. Онуфріевского монастыря²⁾, который постоянно и во времена уніи оставался православнымъ, встрѣчаются подъ годами 1688, 89 и 90 записи для поминовенія на богослуженіяхъ сродниковъ живыхъ и умершихъ изъ Ломазъ, между тѣмъ какъ въ подобномъ сему помянникѣ уніатскомъ, бывшемъ въ Бѣльской уніатской церкви, вовсе не находится изъ Ломазъ ни записей, ни жертвователей, тогда какъ попадаются таковыя записи изъ другихъ селъ, сосѣднихъ съ Ломазами, какъ напр.: изъ Докудова, Корчевки, Кіевца и др.³⁾ Это послѣднее говоритъ намъ о стойкости Ломазцевъ, пребывавшихъ въ Православіи въ то время, когда другіе сосѣдніе города и села были соращены въ унію. Иначе и быть не могло. Ломазцы, хотя и небольшой въ то время городъ, были самостоятельны въ своемъ управленіи, чѣмъ городъ Бѣла и принадлежавшія къ ней села и деревни. Извѣстно, что Бѣла была собственностью князей Радзивилловъ, которые къ этому времени успѣли измѣнить православію и ради мірскихъ выгодъ принять латинство; какъ собственность,

1) Холмско-Варшав. Вѣстникъ за 1886 г. стр. 38.

¹⁾ Надпись на славянскомъ языкѣ такова: „Року Божого 1688. Мѣсяца Іюнія 27 дня“.

²⁾ Крыжановскій. „Нѣсколько документовъ послѣ Брестскаго Собора стр. 47 (въ Холмск. греко-уніатскомъ календарѣ за 1870 годъ).“

³⁾ Ibidem стр. 56.

она была всецѣло въ рукахъ Радзивилловъ, тогда какъ городъ Ломазы, хотя и былъ причисленъ къ королевскимъ столовымъ имѣніямъ, арендуемымъ временно королевскими старостами или державцами и даже, какъ мы раньше видѣли, много страдалъ матеріально, все-таки время отъ времени отстаивалъ свою независимость. Такое состояніе города Ломазъ совпало съ описываемымъ нами распространеніемъ уніи во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только удавалось латинскимъ миссіонерамъ. Магдебургское право въ Ломазахъ фактически существовало и городъ имѣлъ во главѣ своего управленія выборнаго изъ Ломазскихъ же обывателей бургомистра, а также и другихъ начальствующихъ лицъ, какъ напр. райцевъ и лавниковъ. На первыхъ порахъ послѣ заключенія Брестской религіозной уніи эти начальствующіе лица, будучи самыми видными ревнителями православія въ Ломазахъ, поддерживали стойкость ломазцевъ въ вѣрѣ православной, а польское правительство въ то время не могло повсюду сразу вводить унію, такъ какъ было занято чисто политическими неблагопріятно складывавшимися для тогдашней Рѣчи Посполитой дѣлами, чѣмъ и объясняется эта временная индифферентность правителей къ религіознымъ дѣламъ; и благодаря только этому, Ломазы долгое время оставались, такъ сказать, въ сторонѣ отъ взора фанатичныхъ польско-латинскихъ правителей и сохраняли во всей чистотѣ свою родную православную вѣру. Только въ самомъ концѣ XVII столѣтія возлѣ Ломазъ унія распространена была въ сосѣднихъ Радзивилловскихъ деревняхъ, гдѣ она быстро прививалась благодаря чрезвычайнымъ мѣрамъ латинскихъ миссіонеровъ, дѣйствовавшихъ рука объ руку съ фанатичными владѣтелями—вельможами.

Такъ, въ 1690 году Екатерина Радзивилль, урожденная Сабѣсская, подстрекаемая братьями—іезуитами, свесшись съ уніатскимъ митрополитомъ Львомъ Заленскимъ, устроила при Бѣльской церкви Базилянскій монастырь специально съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы монахи базилиане развѣзжали по сосѣднимъ приходамъ и занимались проповѣдываніемъ уніи. Вслѣдъ за учрежденіемъ этого базилянскаго монастыря въ томъ же году послѣдовалъ отъ ея имени строжайшій приказъ всѣмъ пригороднымъ возлѣ Бѣлы подстаростамъ фольварковъ и всѣмъ войтамъ, чтобы они на случай пріѣзда во ввѣренныя имъ районы миссіонеровъ-базилянъ, сгоняли насильно народъ для слушанія проповѣди; въ тѣхъ же селахъ, гдѣ есть церкви и священники, (говорилось въ приказѣ), послѣдніе должны уступить мѣсто въ церкви миссіонерамъ-базилианамъ и наравнѣ съ народомъ отъ нихъ же поучаться¹⁾. Вотъ такими мѣрами водворяли унію среди крѣпостныхъ беззащитныхъ православныхъ крестьянъ

спустя уже сотню лѣтъ послѣ заключенія уніи; а Ломазцы, независимые отъ фанатично-латинскихъ владѣтелей, въ то время (около 1690 г.) служили примѣромъ ревности къ Святой Православной Церкви и объ уніи никто изъ нихъ и не помышлялъ, не смотря на близкое сосѣдство уніатовъ по принужденію (крестьянъ Радзивилловскихъ деревень).

Итакъ, Ломазцы еще въ самомъ концѣ 17-вѣка были совсѣмъ чужды уніи и высоко держали знамя Православія среди окружающихъ уніатовъ.

Псаломщикъ Петроковского Собора И. Р.

(Продолженіе будетъ).

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

22 января въ 12^{1/2} час. дня, Высокопреосвященный Геронимъ, Архіепископъ Холмскій и Варшавскій, посѣтилъ 6 мужскую и 3 женскую гимназіи. Владыка былъ встрѣченъ въ залѣ женской гимназіи соединеннымъ хоромъ обѣихъ гимназій, пропѣвшимъ „Царю небесный“ и „исполла эти деспота“. Благословивъ каждаго изъ пѣвчихъ учениковъ и ученицъ, похваливъ ихъ отчетливое и выразительное пѣніе и осмотрѣвъ мраморную доску, помѣщенную въ залѣ въ благодарственное воспоминаніе о милостивомъ посѣщеніи гимназіи Ихъ Величествами въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ и Государыней Императрицей Маріей Феодоровной, 29 августа 1884 года, Его Высокопреосвященство прослѣдовалъ въ 8 классъ, гдѣ въ присутствіи прибывшаго въ гимназію управляющаго округомъ Н. М. Стефани слушалъ изложеніе будущаго урока, даннаго законоучителемъ, протоіереемъ М. Семеновскимъ. Весь пятый урокъ Владыка пробылъ во 2 классѣ мужской гимназіи, гдѣ слушалъ объясненія законоучителя священника В. Мысыны и отвѣты всѣхъ находившихся на лицо учениковъ; отвѣтами послѣднихъ Владыка остался вполне доволенъ. При отбытіи въ 3 часа Его Высокопреосвященства изъ гимназіи хоръ учениковъ пропѣвъ многолѣтіе.

* * *

24 января Высокопреосвященный Геронимъ посѣтилъ варшавскую IV женскую гимназію. Владыка прибылъ въ гимназію въ 12^{1/2} часовъ и былъ встрѣченъ служащими въ ней во главѣ съ управляющимъ учебнымъ округомъ Н. М. Стефани. Всѣ православныя ученицы, въ виду ихъ малочисленности, были собраны вмѣстѣ въ актовую залѣ, гдѣ и отвѣчали въ присутствіи Его Высокопреосвященства по проходимому курсу. Отвѣчали ученицы 8, 6 и 3 классовъ. Знаніями ученицъ Владыка остался доволенъ и преподавалъ всѣмъ имъ свое пастырское благословеніе.

¹⁾ Крыжановскій. Нѣсколько докум. послѣ Брестск. Собора стр. 58 и 59.

Замѣтка.

Къ характеристикѣ польскаго общества въ наше время. Крупный проигрышъ гр. I. Поточнаго въ нѣсколько сотенъ тысячъ рублей въ вѣнскомъ Жокей-клубѣ встревожилъ польскую прессу, возмущенную не столько самимъ проигрышемъ, сколько развратомъ въ польскомъ обществѣ азарта вообще и карточного въ особенности.

Будетъ ли картежникомъ баринъ съ громкимъ именемъ — пишеть, между прочимъ, „Kuryer Codzienny”, — или богатый промышленникъ, или же банкиръ, въ данномъ случаѣ это безразлично. Что попадаются узурпаторы, что въ нѣкоторыхъ кругахъ у насъ любятъ ставить во главѣ всякаго дѣла графа или князя, не обращая вниманія на ихъ заслуги предъ обществомъ, это не мѣняетъ положенія дѣла, и потому всякій поступокъ мы оцѣниваемъ одинаково, безразлично, къ какой сферѣ принадлежитъ свершившій его. Липнее доказательство легкомыслія польскаго аристократа, надъ чѣмъ такъ много смѣялся въ свое время Бисмаркъ, не можетъ бросить тѣни на все польское общество, которое не хочетъ имѣть ничего общаго съ такого рода господами. Для насъ все это важно только въ томъ отношеніи, что напоминаетъ намъ о злѣ, распространяющемся все шире — о несчастномъ азартѣ, проявляющемся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Картежная игра развита у насъ до громаднхъ размѣровъ, и если бы подсчитать потраченное на это время и здоровье, то легко можно бы убѣдиться, что за ночь мы проигрываемъ миллионы. Тотализаторъ распространяетъ общій азартъ, деморализуя массы и увлекая въ пучину бѣдствій цѣлыя семьи. Распространяясь все шире, азартъ развиваетъ жажду легкаго обогащенія. Результатомъ же послѣдней является биржевая спекуляція, строительная горячка, торговля землей, домами, дачами и т. д. Всюду азартъ, азартъ и азартъ! Кто сосчитаетъ, сколько жертвъ и миллионовъ поглотилъ онъ..

Да избавитъ Богъ русское Общество отъ подобной страсти къ азартамъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

на

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ”

Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

годъ седьмой.

Бесплатныя приложенія: Школьный Календарь на 1902—1903 уч. годъ, Листки для школьнаго чтенія: по богословію, по церковной исторіи, по отечественной исторіи, по географіи, по гигиенѣ, Ноты для школьныхъ хоровъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: К. П. Побѣдоносцевъ, С. А. Рачинскій, прот. П. А. Смирновъ, прот. А. И. Ивановъ, Я. И. Ковальскій, А. И. Голденбергъ, С. И. Шохоръ-Троичинъ, Я. И. Рудневъ, И. И. Полянскій, П. Н. Луптовъ и др.

Журналъ „Народное Образование” всецѣло посвященъ разработкѣ вопросовъ школьной практики; задача его состоитъ въ томъ, чтобы практически содѣйствовать разумной, прочно и методически обоснованной постановкѣ дѣла воспитанія и обученія въ церковно-приходской и вообще въ народной школѣ Россіи.

Въ истекшемъ году въ задачу журнала входили слѣдующіе отдѣлы: 1) воспитаніе нравственно-религіозное и умственное въ его практическихъ приемахъ и методахъ, 2) вопросъ о здоровьи учащихся въ условіяхъ народной школы, 3) обще-

доступныя и наглядныя (при помощи рисунковъ) бесѣды изъ области естествознанія, 4) психологическая сторона учительской практики въ ея поясненіи при помощи данныхъ современной психологіи, 5) школьное пѣніе въ примѣненіи къ условіямъ школы и народнаго хора, 6) мѣстный отдѣлъ въ видѣ обзорнаго замѣчательныхъ фактовъ и явленій изъ жизни народнхъ школъ, 7) библиографическія листки для отзывовъ о книгахъ, относящихся къ школьной теоріи и практикѣ, къ вопросамъ воспитанія, къ области чтенія для учителей и народа, 8) Изъ иностранныхъ педагогическихъ журналовъ (замѣтки по практической дидактикѣ нѣмецкой, англійской, французской, американской народной школы).

Въ истекшемъ году подписчики журнала „Народное образование” получили, во-первыхъ, два большіихъ тома журнала: I томъ (январь—іюнь) 1—626 стр. съ библиографическимъ отдѣломъ (1—94 стр.); II томъ (іюль—декабрь) 1—520 стр. и библиографическій отдѣлъ (1—96 стр.); во-вторыхъ, книжку (въ 1—300 стр.) листковъ для школьнаго и народнаго чтенія по Св. Писанію, исторіи церковной и отечественной, географіи, гигиенѣ, школьному пѣнію; листки иллюстрированы картинками, чертежами, географическими картами; въ третью Школьный календарь за 1901—1902 уч. годъ (стр. 1—80) и, въ четвертыхъ, Именной списокъ лицъ церковно-школьнаго управленія (стр. 1—64).

Подписная цѣна ТРИ РУБЛЯ въ годъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Кабинетская ул., д. 13.

Редакторъ П. Мироносицкій.

Вышла „Январская” книжка

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

Содержаніе: Святаго отца нашего Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, толкованіе на Евангеліе отъ Іоанна. — Рождество Христово. Стихотвореніе И. П. — Страданія челоуѣчества. (Публичная лекція). Д. И. Введенскаго. — О нашемъ символѣ вѣры. А. П. Лебедева. — Нравственное сужденіе и его психологическая природа. Н. Г. Городенскаго. — Въ странѣ священнхъ воспоминаній. (Описаніе путешествія въ св. землю). — Голосъ изъ Америки. (Къ вопросу о сближеніи англиканства съ православіемъ). В. А. Соколова. — Обзоръ журналовъ. (Статьи по нравственному богословію). Н. Г. Городенскаго. — Библиографическая замѣтка. Московское изданіе греческой библіи 1821 г. И. Евсева. — Автобиографическія записки Саввы, Архіепископа Тверскаго. — Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи за 1901 г. — Объявленія

Продолжается подписка на „Богословскій Вѣстникъ” 1902 г. съ приложеніемъ первыхъ двухъ частей Твореній Св. Аванасія, Архіепископа Александрійскаго, въ новомъ изданіи.

Подписная цѣна восемь рублей съ перес.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ редакцію „Богословскаго Вѣстника”.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Опрежденіе Св. Синода. — Епархіяльныя распоряженія и извѣстія. — Отдѣлъ II. Поученіе въ день погребенія кафедральнаго протоіерея Варшавскаго кафедральнаго собора Климента Чеховича, произнесенное 27 января 1902 г. на литургіи протоіереемъ А. Ковальницкимъ. — Рѣчь при погребеніи кафедральнаго протоіерея Климента Михайловича Чеховича, произнесенная 27 января 1902 года протоіереемъ П. Каллистовымъ. — Рѣчь предъ оущеніемъ въ мигу Кафедральнаго протоіерея Климента Чеховича. — Его Высочайшему Присвоенію, Высокопреосвященнѣйшему Іоанниію Архіепископу Варшавскому и Новогеоргіевскому Настоятеля Люблинской Рождество-Богородицкой церкви, протоіерея Климента Чеховича рапортъ отъ 30 октября 1861 г. за № 125. — Какъ русскіе берегли свою вѣру (окончаніе). — Сравненіе культурныхъ силъ русскихъ и поляковъ. — Браки дозволенные и недозволенные. — Изъ области догадательства католицизма. — Историко статистическое описаніе церкви и посада Ломазы Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. (продолженіе). — Мѣстныя извѣстія. — Замѣтка. — Объявленія.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Печатать дозволяется. — Варшава, 1 Февраля 1902 года. — Цензоръ, Протоіерей М. Жахановичъ. Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Краковское-Предмѣстье, № 3.